

*Закревская Е.А.**

Рецензия на книгу:

Конаков А. Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 240 с.

Получена: 18.01.2024

Принята к печати: 21.02.2024

Для цитирования: Закревская Е.А. [рецензия] // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 259–268. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.14. – Рецензия на книгу: Конаков А. Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 240 с.

Zakrevskaya E.A.

Book review:

Konakov A. Waning World: A History of the “Incredible” in the Late USSR. – Moscow : Garage Museum of Contemporary Art, 2022. – 240 p.

* *Закревская Екатерина Алексеевна* – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, аспирантка Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия; eazakrevskaya@gmail.com

Zakrevskaya Ekaterina Alekseevna – Junior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Post-Graduate Student of the Centre of Typological and Semiotic Folklore Studies of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; eazakrevskaya@gmail.com

Received: 18.01.2024

Accepted: 21.02.2024

For quoting: Zakrevskaya E.A. [review] // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 259–268. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.14. Book review: Konakov A. Waning World: A History of the “Incredible” in the Late USSR. – Moscow : Garage Museum of Contemporary Art, 2022. – 240 p.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song Traditions of the 20th–21st Centuries: Poetic Structures, Biographical Discourse and Historical Narrative” (contest “Student project scientific collectives RSUH”).

Алексей Конаков, автор книги «Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР», обладает не самым обычным бэкграундом для исследователя. По своей основной профессии он поэт, литературный критик и литературовед, ранее уже писавший исследовательские работы – в 2017 г. вышла в свет его книга, посвященная неофициальной литературе в СССР. «Убывающий мир...» вышел в издательстве музея современного искусства «Гараж» в 2022 г. По словам автора, при работе над монографией он ставил задачу описать и проанализировать советский дискурс о «невероятном» – поисках НЛО, вере в телепортацию, чтение мыслей и волшебный эффект йоги, заряженную воду и множество других подобных феноменов. Материал, с которым работал Конаков, достаточно разнородный, понимая это, он шуточно спрашивает читателя, что общего у пришельцев, целительницы Джуньи и шаровой молнии. Возможность работы над таким широким рядом представлений и практик Конаков доказывает с помощью теории семейного сходства Витгенштейна: объекты его исследования связаны не конкретным общим признаком, а сложной сетью по-

добий. Они образуют единое дискурсивное поле, которое и является предметом исследования.

Книга состоит из введения, где автор рассказывает о более ранних исследованиях на эту тему и предлагает свое объяснение популярности «советского невероятного», и трех глав-«меридианов», которые «пересекают» ряды кейсов. Вокруг меридиана «А» (имени Матеста Агреста) собраны представления, связанные с космосом: идеи об обитаемых планетах, НЛО, поисках инопланетян, внеземном происхождении предметов и природных явлений. Меридиан «Б» (имени Василия Бродова) «пронизывает» идеи и практики, связанные с телом человека: это магические способы достижения долголетия и профилактики заболеваний. Меридиан «В» (имени Леонида Васильева) «проходит» через дискуссии о сверхъестественных способностях человека: телекинезе, телепатии, экстрасенсорике. В эпилоге речь идет о 1990-х годах: автор показывает, как меридианы сливаются, а затем популярность «советского невероятного» идет на спад. За счет такой структуры книги Конакову удалось не только успешно «жонглировать» множеством разнородных кейсов, но описать их хронологическое развитие и трансформацию. Дискурс о «невероятном» не был статичен: эти представления о невероятном появились в первые послевоенные годы, широко распространились в период «оттепели», достигли своего максимального развития и разнообразия во время застоя и перестройки и сошли на нет после распада Советского Союза.

Основным новшеством, которое содержит книга Конакова, является предложенное им объяснение популярности «советского невероятного». Ранее исследователи – к примеру, Александр Панченко¹ или Илья Кукулин² – связывали эти феномены с религиозными верованиями и определяли как советский нью-эйдж, развившийся в качестве компенсации запрещенной в Советском Союзе религии. Конаков спорит с этой идеей. Он отмечает, что дискурс о «советском невероятном» никогда не был дискурсом верующих – будь то люди, тайно продолжающие исповедовать христианство, сельские жители, которые

¹ Кукулин И. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 3. – С. 61–85.

² Панченко А. «Эра Водолея» для строителей коммунизма // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 300–317.

сохранили нетронутые «островки» традиционной культуры, или последователи мистических учений – теософы, антропософы, сатанисты и т.д. Дискурс о «советском невероятном» зародился и сформировался в среде ИТР (инженерно-технических работников) – светской и секулярной городской интеллигенции. То, что нам сейчас кажется «невероятным» – плодом магического мышления – для советских ИТР было объектом научного интереса. В дальнейшем дискурс о «советском невероятном» вышел за стены многочисленных КБ и НИИ, распространился и развился среди широких слоев населения из-за того, что отвечал *советским эпистемическим добродетелям*: культу науки и научному оптимизму. Практики, связанные с «невероятным», Конаков сравнивает с Паскалевским «пари»¹: к примеру, человек, который «заряжает» воду перед телевизором, не понесет никаких издержек, если вода не «зарядится», но получит пользу, если «зарядится». Этим «экспериментаторским» подходом советский человек отличался от носителя традиционной культуры, считающего действия, которые мы сейчас атрибутируем как магические, абсолютными рациональными и ведущими к достижению какого-либо результата.

Критерии демаркации научного знания зависимы от культуры и являются социальным конструктом. В современной эпистеме космонавтика является рациональным знанием, а уфология – лженаучным, но в середине XX в. полеты в космос и встречи с пришельцами виделись людям в равной степени вероятными. Конаков настаивает, что изучение советской науки в отрыве от – как мы сейчас понимаем – паранучных областей знания дает неполную картину свойственных советскому человеку представлений о мире. Основным «фамильным сходством» между всеми феноменами «советского невероятного», а также между рядом реальных научных вопросов из областей физики и биологии являлись загадочность и необходимость их разгадать. Здесь мы снова сталкиваемся с присущим советским людям научным оптимизмом: в годы своего появления теории о «невероятном» воспринимались как подлежащие проверке «нулевые гипотезы». С ходом времени одни гипотезы подтверждались и переходили в ведение «насто-

¹ Силлогизм, известный как «пари Паскаля», звучит так: «Если Бог существует и вы сделаете ставку на это, то вы выиграете все; если его нет, но вы верите в его существование, то вы не потеряете ничего».

ящей» науки, другие отвергались, но почти все оставляли в публичном дискурсе след в виде газетных передовиц, журнальных и самиздатовских статей, а также кружков энтузиастов.

В первой главе речь идет о связанных с космосом феноменах «невероятного». Тема космоса появилась в советской риторике еще в 1930-х годах, но популярной среди широкой аудитории стала уже в конце сороковых. В это время астроном Феликс Зигель провел в Московском планетарии цикл лекций, посвященных загадке Тунгусского метеорита, и пришел к выводу, что метеорит представляет собой упавший на землю корабль пришельцев. Другой важной темой в эти годы были исследования жизни на Марсе: здесь представляют интерес работы астронома Гавриила Тихова, который пытался установить, есть ли на Марсе растительность. К пятидесятым годам представления о том, что на Марсе существуют леса и он может быть колонизирован, стали общим местом, хотя официальная наука и пыталась с ними бороться. Таким же образом, несмотря на противодействие официальной науки, популяризовалась идея «палеовизита» – посещения Земли инопланетянами. Ее сторонники интерпретировали таким образом библейские и мифологические тексты. Именно тогда, когда гипотеза о внеземной жизни была проверена и отброшена советской наукой, она перешла в область массовой культуры.

Как показывает Конаков, дискурс о «невероятном» был связан с публичным дискурсом в целом и подстраивался под колебания государственной риторики и общественного мнения. Сталинская военная программа продолжалась и в пятидесятые годы, и технологии, необходимые для работы военной промышленности, во многом пересекались с технологиями освоения космоса. Дискурс о «невероятном» «отреагировал» на эту связь, порождая сюжеты, связанные с темами взрывов и гибели: к примеру, актуализировалась история Тунгусского метеорита. Однако теперь метеорит стали воспринимать не как корабль пришельцев, а как долетевший до Земли фрагмент погибшей в результате ядерной реакции планеты Фаэтон. Советский писатель-фантаст Александр Казанцев напрямую связывал «гибель Фаэтона» с ядерной войной, якобы погубившей «цивилизацию фаэтов», и проводил аналогии с занимавшей умы советских граждан холодной войной. Цитируя Маттиаса Шварца, Конаков отмечает, что популярность темы гибели, будь то динозавров или внеземных цивилизаций, была попу-

лярна в Советском Союзе из-за того, что была своеобразной «отдушиной» для негатива и пессимизма – открыто обсуждать возможность поражения в ядерной войне было нельзя¹.

В семидесятые годы происходит «рутинизация космоса» – новости о нем больше не шокируют. Увлечение уфологией из массового становится нишевым: интерес сохраняют только небольшие группы приверженцев этой идеи. К концу семидесятых годов советское общество становится гораздо более индивидуалистическим и ориентированным на потребительский успех. Советский гражданин эпохи застоя не заинтересован в поиске жизни на Марсе так, как был заинтересован коллективист сталинской эпохи или романтик и энтузиаст «оттепели». Однако именно в это время в Советском Союзе регистрируется наибольшее количество замеченных НЛО: это связано с тем, что фиксация таких случаев была поручена армии. Еще в конце 1960-х годов власти начали бороться с представлениями о пришельцах и НЛО, объясняя, что неопознанные летающие объекты – это оптические явления в атмосфере (например, гало) или военные приспособления – самолеты, ракеты, «шпионские зонды». К началу перестройки связь между необычными атмосферными явлениями и запусками ракет стала очевидной для широкой публики – не последнюю роль в этом сыграл произошедший в 1977 г. «Петрозаводский феномен» (необычные атмосферные явления, которые очевидцы приняли за НЛО, однако потом стало известно, что они были вызваны запуском ракеты с секретного космодрома «Плесецк»). Конаков отмечает, что именно в этот момент советским гражданам открылся масштаб милитаризации страны: в сочетании с потребительским дефицитом это произвело на общественное мнение резко негативный эффект.

Меридиан «Б», связанный с «невероятными» способами обеспечения долголетия, связан с произошедшим после смерти Сталина «открытием мира» советскому человеку: в это время происходит отказ от риторики «осажденной крепости». Особенный интерес в это время был направлен как на реальные, так и на воображаемых локусы: это Атлантида, открытие которой, по мысли исследователей того времени,

¹ *Schwartz M. A Dream Come True: Close Encounters with Outer Space in Soviet Popular Scientific Journals of the 1950s and 1960s. // Soviet Space Culture. – 2011. – P. 245.*

позволило бы узнать больше о происхождении человечества, и Гималаи, где, по утверждениям многочисленных свидетелей, скрывался снежный человек. Поисками йети занималась АН СССР: начиная с 1958 г. было проведено несколько экспедиций на Памир. Исследователи определяли снежного человека как «реликтового гоминида» – «боковую ветвь» развития человека. Вскоре экспедиции были признаны неудачными – несмотря на множество устных рассказов о встрече с йети, материальных свидетельств его существования обнаружить не удалось. Как и в случае с НЛО, в массовую культуру представления о йети проникли уже после того, как наука отбросила эту гипотезу: новым популяризатором йети стал приехавший в СССР из Индии мистик Юрий Рерих.

Другим увлечением Рериха была йога. Он настаивал на холистическом прочтении йоги как мистического учения, однако оно в Советском Союзе не прижилось. Йога как элемент индийской культуры стала известна в том числе благодаря политическому сближению Советского Союза с Индией, но быстро появившиеся в СССР приверженцы йоги подавали ее как экзотическую гимнастику – свободный от эзотерики комплекс упражнений, способных подарить человеку невиданное здоровье и долголетие. В советских журналах апелляция к йоге была еще одним поводом напомнить о том, что любой феномен может и должен быть объяснен с точки зрения науки: чудеса йогов (левитация, способность задерживать дыхание на долгий период времени или разбивать рукой кирпичи) осмыслялись как результат долгих тренировок.

В 1970-е годы получили широкое распространение самиздатовские пособия по йоге или подпольные курсы йоги. Эту ситуацию Конаков связывает с тем, что в семидесятые годы не было значимых исторических потрясений и существовал негласный запрет на занятия политикой. Таким образом, основной точкой «приложения сил» советского человека эпохи застоя становилось потребление, в том числе «потребление здоровья». Йога, в духе времени, превратилась из загадочной и эзотерической практики в буржуазный способ оздоровления. Другие способы оздоровления были связаны с поиском сулящих укрепление организма веществ. В качестве таких веществ виделись сода, аскорбиновая кислота, настой чайного гриба, но самым загадочным и потому популярным было мумиё. По версии Бориса Поршнева,

мумиё представляло собой топленый жир снежного человека. Таким образом, дискурс о йети из романтического и «первооткрывательского» тоже стал буржуазным. Одним из ключевых понятий, предложенных Конаковым, является термин «криптобуржуа» – это советский человек эпохи застоя, который «достаёт» не только дефицитные продукты или предметы интерьера, но и «магические» способы обеспечения здоровья и долголетия. Именно эта черта человека застоя заставляет его интересоваться гимнастикой и правильным дыханием и объясняет популярность полумистических систем оздоровления – к примеру, предложенных Порфирием Ивановым закаливания и обливания холодной водой.

Меридиан «В» проходит сквозь представления о «невероятных» способностях человека. Проблему «мысленного внушения» советские ученые начали изучать еще в 1930-е годы, однако достоянием широкой публики она стала в период «оттепели», а популярность сохраняла до самого распада СССР. В 1959 г. член-корреспондент АМН СССР Леонид Васильев опубликовал научно-популярную работу, посвященную деятельности мозга. В ней он обосновал возможность существования телепатии тем, что в процессе деятельности мозг человека создает электромагнитное поле, которое способно воздействовать на другой мозг (такой же нарочито материалистической риторикой позднее пользовались и «практики» телепатии, к примеру Вольф Мессинг).

Устойчивую популярность меридиана «В» можно объяснить тем, что представления о сверхъестественных способностях человека легко подстраивались под любую цель и картину мира. Государство спонсировало исследования телепатии из-за опасений, что она может быть использована в военных целях – как аналог традиционных систем связи. Частного человека больше привлекала «гипнопедия» – идея обучения человека во сне за счет гипноза – или мечта научиться «видеть» с закрытыми глазами.

В эпоху застоя интерес к оборонным технологиям и научным загадкам спал, но тема телепатии осталась актуальной из-за того, что она легко встроилась в криптобуржуазный дискурс о сохранении и приумножении здоровья. Идея об электромагнитных лучах и полях, за счет которых якобы происходит чтение мыслей, трансформировалась: к семидесятым годам эти лучи стали представляться как нечто вредоносное. По мысли публицистов того времени, электромагнитное излу-

чение, будучи универсальным медиумом, способно сообщать человеку вредоносную «клеточную информацию» – в том числе болезни и вирусы. Защитить себя от вредного излучения человек мог путем укрепления здоровья. Таким же образом изменилась и практика экстрасенсов. Они начали не просто «читать» мысли, но обрели «специализацию»: популярные в те годы Джуна и Анатолий Кашпировский были целителями.

В эпилоге речь идет о 1990-х годах. В это время из-за падения цензурных ограничений энтузиасты поиска НЛЮ, йоги или экстрасенсорики стали создавать многочисленные объединения и союзы и громко заявлять о себе. Именно широкая популярность «советского невероятного» стала одной из причин его «гибели». Публицисты и журналисты перехватили эту повестку у технической интеллигенции, и, спекулируя на ней, не смогли сохранить научную и рациональную атмосферу. «Советское невероятное» затерялось среди западной эзотерики, появившейся в открытом доступе в это же время. Немногие приверженцы теорий, которые в советское время были объектом научного интереса, стали полноценными мистиками. Постсоветские представления об НЛЮ или йети Конаков предлагает считать оккультными именно из-за смены дискурса. Они перестали быть загадкой, которую можно разгадать рационально, с опорой на науку, и превратились в предмет веры.

Помимо большой подборки интересных источников, это исследование предлагает ряд интересных терминов и объяснительных моделей: предложенная Конаковым новая трактовка причин популярности «советского невероятного» кажется на редкость убедительной. Разбросанные по тексту авторская ирония и игра слов не выглядят чужеродными в этой работе и не снижают ее аналитических достоинств. Вероятно, такой способ оформления исследования связан с не вполне академическим бэкграундом автора, однако он удачно вписывается в тренд последних лет: в русскоязычной среде исследовали совершили «экспансию» в сферу подкастов, научно-популярных блогов и экспертных комментариев для СМИ только недавно. Кажется, что эти «неформальные» стилистические вкрапления послужили на пользу книге: к примеру, нетипичная для научного труда «метафорическая» разбивка на главы позволила автору охватить большое количество на первый взгляд мало связанных феноменов. Таким образом, это исследо-

дование представляется исключительно удачным: занимательным и легким для чтения, но при этом вызывающим научный интерес и предлагающим новые исследовательские концепции.

Список литературы

Кукулин И. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 3. – С. 61–85.

Панченко А. «Эра Водолея» для строителей коммунизма // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 300–317.

Schwartz M. A Dream Come True: Close Encounters with Outer Space in Soviet Popular Scientific Journals of the 1950s and 1960s. // *Soviet Space Culture*. – 2011. – P. 245.

References

Kukulin, I. Periodika dlya ITR: sovetskie nauchno-populyarnye zhurnaly i modelirovanie interesov pozdnesovetskoy nauchno-tekhnicheskoy intelligencii [Periodicals for ITR: Soviet popular science magazines and modeling the interests of the Late Soviet scientific and technical intelligentsia]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 3, 2017, pp. 61–85. (In Russ.)

Panchenko, A. «Era Vodoley» dlya stroitelej kommunizma [The “Age of Aquarius” for the builders of Communism]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 1, 2018, pp. 300–317. (In Russ.)

Schwartz, M. A Dream Come True: Close Encounters with Outer Space in Soviet Popular Scientific Journals of the 1950s and 1960s. In *Soviet Space Culture*. 2011. – P. 245.